

Пути всеблагаго Промысла Божія

въ моей жизни.

*(Изъ записокъ православнаго священника, обратившагося
изъ евреевъ).*

Если читатель пожелаетъ знать, зачѣмъ ему предлагается этотъ рассказъ о частной жизни безвѣстнаго лица, то довольно будетъ сказать ему, что я рожденъ въ простой *еврейской* семьѣ; а нынѣ состою священнослужителемъ православной христіанской церкви и предъ престоломъ Божиимъ возношу благодареніе Творцу за все то, что Онъ для меня сдѣлалъ. Достаточно сопоставить эти два момента моей жизни, чтобъ заинтересоваться исторіей бѣднаго еврейскаго отрока, возведеннаго Промысломъ Божиимъ до степени служителя алтаря Господня. И великъ этотъ неизреченно благій Промыслъ, который не взирая на безчисленное множество враждебныхъ случайностей и препятствій, неизмѣнно достигаетъ своихъ цѣлей и доводитъ слабого и ничтожнаго человѣка до его назначенія. Богъ, который помогъ мнѣ слабыми силами побороть эти препятствія, да поможетъ мнѣ правдиво и безпристрастно разсказать эту исторію.

Я не помню отца. Насъ было десять дѣтей у матери — вдовы: 4 сестры и 6-ть братьевъ, изъ которыхъ я, какъ самый младшій, больше другихъ пользовался любовью матери. Въмѣстѣ съ этой любовью я впускалъ ей ревнивыя опасенія. Я обладалъ способностью такъ горячо молиться по еврейски, что во время моей молитвы всѣ окружающіе

плакали. И мать моя, какъ бы предчувствуя пути Промысла Божія въ моей жизни, съ опасеніемъ говорила мнѣ: «боюсь, чтобы ты не сдѣлался православнымъ священникомъ»!

Каждое еврейское общество (кагалъ) должно было представлять изъ своей среды извѣстное число рекрутъ, въ число которыхъ попали трое изъ моихъ братьевъ, но «за неспособностью» ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ на службу. Такимъ образомъ очередь дошла до меня. Мнѣ было девять лѣтъ, когда я былъ назначенъ въ рекруты и долженъ былъ сдѣлаться кантонистомъ. Для моей матери это была самая тяжелая утрата, поэтому она рѣшилась во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами оставить меня при себѣ. На сколько я былъ дорогъ матери и до какой степени моей семьѣ была ненавистна царская служба, это можно видѣть изъ того, что для спасенія моего отъ этой службы они рѣшились подвергнуть меня звѣрскому истязанію. На семейномъ совѣтѣ было рѣшено сдѣлать меня калѣкой, и тотъ-же семейный совѣтъ приступилъ къ выполненію своего рѣшенія. Четыре брата крѣпко держали меня, а пятый бритвой рѣзалъ мнѣ указательный палецъ правой руки, имѣя намѣреніе отрѣзать его. Богу угодно было, чтобы мои страшные стоны смягчили сердце брата и мнѣ оставили палецъ съ перерѣзанной жилкой до кости. Его согнули и связали и только послѣ шести сутокъ моего невыносимаго страданія позвали еврейскаго врача, который оказалъ мнѣ существенную помощь. Въ настоящее время этотъ палецъ имѣетъ такое положеніе, какое священникъ долженъ придавать ему, для благословенія народа.

Видя, что я недостаточно искалѣченъ для того, чтобы меня забраковали, родные рѣшили подвергнуть меня новому, еще болѣе звѣрскому, истязанію. Рѣшено было выколоть мнѣ глаза. Тѣже четыре брата держали меня, а сестра, вооружившись острымъ паточеннымъ шиломъ, приступила къ операціи. Снова раздалися мои раздирательные стоны, снова исходилъ я кровью, но и здѣсь Богу угодно было сохранить мое зрѣніе для извѣстной Ему единому цѣли, — быть можетъ, для того, чтобы этими глазами я въ послѣдствіи увидѣлъ истину. Виродолженіи часа сестра колола мнѣ тѣло во кругъ глаза, но самый глазъ остался невредимымъ. Этимъ однако не кончились мои истязанія. По мнѣнію моей семьи я во что бы то ни стало долженъ былъ сдѣлаться калѣкой; это имъ внушала любовь и родственныя чувства. Мнѣ засыпали глаза пескомъ, старались заразить меня ядомъ, взятымъ отъ другихъ больныхъ евреевъ (парши), но Богъ сохранилъ меня отъ худыхъ послѣдствій. Тогда меня начали прятать въ укромныя мѣста: въ клунѣ, на мельницѣ, гдѣ я проводилъ въ одиночествѣ дни и ночи.

Помню роковой день, когда мать соскучившись за мной, пришла ко мнѣ на мельницу и съ материнской нѣжностью въ послѣдній разъ прижала меня къ своей груди. Она рѣшилась взять меня домой обѣдать; это былъ послѣдній день, который я провелъ въ кругу своихъ родныхъ.

У матери явились зловѣщія предчувствія. Ей казалось, что вотъ—вотъ нагрянутъ и возьмутъ меня, и она отослала меня на мельницу. Но не успѣлъ я вернуться на мельницу, какъ вбѣжала шайка евреевъ и съ крикомъ устремилась на меня. Я попяль, что все погибло, въ отчаяніи бросился въ воду подъ мельничное колесо, но по

счастливному случаю меня оттуда вытащили, схватили и посадили на повозку. Когда везли меня мимо нашего дома, я поднялъ страшный крикъ, который вызвалъ на крыльцо мать и всю семью. Я видѣлъ ихъ слезы и слышалъ ихъ рыданія; — они меня узнали и поняли, въ чемъ дѣло, но спасти уже было невозможно. Меня привезли въ мѣстечко Березное и надѣли мнѣ на правую ногу деревянную колодку. Но моимъ надсмотрщикамъ казалось этого мало; они боялись, чтобъ я не ушелъ, (что я дѣйствительно сдѣлалъ бы при первомъ удобномъ случаѣ) и на другой день сковали желѣзной цѣпью съ замкомъ съ другимъ также еврейскимъ мальчикомъ, находившимся въ такомъ же положеніи, какъ и я. Въ такомъ видѣ насъ отвезли въ уѣздный городъ Ровны и повели въ «пріемъ». Меня не спасъ мой кривой палецъ, я оказался годнымъ и скоро увидѣлъ себя съ бритой головой. Кромѣ меня «на пріемъ» было множество мальчиковъ, которыхъ ждала такая же судьба. Нельзя было смотрѣть безъ содраганія на этихъ бѣдныхъ дѣтей, представлявшихъ своимъ дѣтскимъ воображеніемъ весь ужасъ предстоящаго будущаго; они били себя въ грудь, рвали руками собственные волосы, щипали собственное тѣло и издавали стоны отчаянія. Это была поистинѣ картина плача Египетскаго, и едва ли сыны Израиля плакали такъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, какъ плакали они въ былое время на Руси при наборѣ мальчиковъ изъ ихъ племени въ военную службу.

Я почему-то грустилъ мало и, когда на третій день пріѣхала мать проститься со мной, ея слезы очень мало тронули меня. Затѣмъ насъ перевезли въ Житомиръ, а оттуда черезъ мѣсяцъ въ Кіевъ, гдѣ всѣхъ насъ опредѣ-

лили въ Прозоровскую крѣпость, и здѣсь началась моя военная карьера. Съ военной жизнью я свыкся очень скоро, но долго не могъ свыкнуться съ пищей, запрещенной закономъ Моисея. Солдатамъ полагался борщъ съ саломъ, благодаря чему я въ продолженіи года питался почти однимъ хлѣбомъ съ водой. Мало по малу я позволилъ себѣ ѣсть борщъ, но всякій разъ, какъ въ ротъ попадался кусочекъ сала, я съ омерзениемъ выбрасывалъ его вонъ.

Въ 1830 году мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть покойнаго Государя Императора Николая Павловича. На правомъ флангѣ шли дѣти православныхъ, посреди еврейскіе, принявшіе христіанство, а на лѣвомъ—мы—настоящіе евреи. Я былъ замѣтнѣе всѣхъ, потому что былъ меньше всѣхъ и, помню, Государь, Который шелъ съ лѣвой стороны, подойдя ко мнѣ, положилъ руку на мое плечо и спросилъ по нѣмецки, умѣю ли я пѣть шабашковую пѣсню—*маю-фиса*, на что я отвѣчалъ, что когда то умѣлъ, но забылъ.

Послѣ этого смотра, по распоряженію Государя Императора, насъ перевезли въ Херсонскую губернію и распредѣлили *для воспитанія* по хозяевамъ военныхъ поселеній. Такимъ образомъ я попалъ въ селеніе Кривой Рогъ къ одному зажиточному хозяину Аѳанасію П. и здѣсь началась для меня новая жизнь, полная невзгодъ и лишеній. Воспитаніе состояло въ томъ, что я долженъ былъ исполнять самыя тяжелыя обязанности, дѣлать именно то, на что трудно было найти охотника и выполнять безпрекословно все, что прикажетъ хозяинъ. Сначала меня заставляли пасти скоть, а затѣмъ. трудно сказать — въ видѣ повышенія или пониженія,—сдѣлали меня чабаномъ, т. е.

пастухомъ овецъ; на моей же обязанности лежало и кормить собакъ. Хозяинъ и хозяйка, принимая во вниманіе то, что я кантонистъ, а еще больше то, что я «жидъ», смотрѣли на меня и обращались со мной нисколько не лучше, чѣмъ съ собакой. Въ зимнюю стужу проѣдешь, бывало, тридцативерстное разстояніе отъ хутора до села за харчами, съ окостенѣлыми членами отъ холода, заберешься «подъ припечекъ», гдѣ встрѣчаешь враговъ въ лицѣ поросятъ, ночующихъ тамъ зимою, и не успѣешь забыться первымъ сномъ, какъ надъ головой уже раздаются безжалостные крики хозяйки: «вставай, иди мять конопля!» Боже сохрани потянуться и промедлить минуту. Къ крику прибавляются обидныя ругательства, толчки и, что всего хуже, тутъ же раздаются ненавистныя слова: «жидъ», «паршивый жидъ». И молча встаешь, бывало, спѣшишь исполнять волю хозяйки, а чуть забрезжетъ утро нужно отправляться на хуторъ съ харчами. Нечего и говорить, что меня держали въ *черномъ тѣлѣ* въ самомъ буквальномъ значеніи этихъ словъ, потому что въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ я не перемѣнялъ бѣлья и находился въ полномъ владѣніи у насѣкомыхъ. Некому было ни пожалѣть меня, ни утѣшить. Одинъ Богъ, которому я неизмѣнно молился, не покидалъ меня. Я твердо помнилъ, что если на землѣ не сыщешь утѣшенія, то небо никогда въ немъ не откажетъ, и я зывалъ къ доброму небу. Сколько разъ одинъ со стадомъ овецъ, окруженный безконечными полями и безпредѣльнымъ голубымъ небомъ, я проливалъ молитвенныя слезы и призывалъ Бога по еврейски, прося у Него утѣшенія! Одинокій, обиженный и угнетенный, я вспоминалъ тогда всѣхъ, кто меня любилъ и кто

былъ такъ далеко,—мать, братьевъ и сестеръ; въ отчаяннѣи падалъ я ницъ, орошалъ холодными слезами землю и съ рыданьями и воплями билъ себя въ грудь. Богъ меня слышалъ, и въ эти одинокіе часы страданій Онъ послалъ мнѣ ангела утѣшителя. Въ это время у меня зародилась и никогда уже болѣе не умирала мысль о принятіи христіанства. Смутно доносились до моихъ ушей отрывками свѣдѣнія о какомъ-то Великомъ Страдальцѣ за грѣхи человѣческіе и меня какъ-то инстинктивно влекло къ этому Страдальцу, быть можетъ, потому, что самъ я много страдалъ....

Въ 1832 году насъ, кантонистовъ, снова собрали и я началъ учиться грамотѣ. Занятія мои шли до того успѣшно, что я скоро опередилъ своихъ товарищей и учитель сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ. Сдѣлавшись грамотнымъ, я старался познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ и въ 1833 г. совершенно убѣжденный, явился къ священнику и изъявилъ желаніе принять христіанство. Священникъ села Широкаго о. *Іоаннъ Луговенко* (нынѣ умершій) одобрилъ мое желаніе и согласился совершить надо мною святое крещеніе. Къ этому времени я успѣлъ склонить къ тому же еще 13 еврейскихъ мальчиковъ, которые и были крещены вмѣстѣ со мною—5 декабря 1833 года. Съ этихъ поръ я посѣщалъ церковь каждое воскресенье и, слушая церковное пѣніе, самъ сильно захотѣлъ выучиться пѣть и читать на клиросѣ. Добрый священникъ позволилъ мнѣ ходить на клиросъ, я скоро выучился пѣть (у меня былъ хорошій дискантъ), чтеніе же по славянски досталось мнѣ гораздо труднѣе. Церковный причтъ любилъ меня, потому что я былъ ему полезенъ. 1834 г., по распо-

ряженію Государя Императора Николая Павловича изъ кантонистовъ выбирали способныхъ для командованія кантонистскимъ полкомъ. Въ числѣ способныхъ былъ выбранъ я, главнымъ образомъ потому, что у меня былъ громкій удобный для командованія голосъ. Эскадронъ, которымъ я командовалъ, былъ переведенъ въ село новый Бугъ, гдѣ я съ разрѣшенія священника, покойнаго о. Авксентія Павленко, также ходилъ на клиросъ, гдѣ пѣлъ и читалъ. Здѣсь я познакомился съ чрезвычайно религіознымъ и искреннимъ человѣкомъ—причетникомъ (нынѣ діаконъ) Прокофіемъ С., который предложилъ мнѣ прочитать «житіе св. Василия новаго, списанное его ученикомъ Григоріемъ, и мытарства Θεодоры». Я съ жадностью набросился на эту книгу, но къ моему величайшему огорченію рѣшительно ничего не понималъ, такъ какъ она была написана по славянски. Я твердо вѣрилъ, что Богъ можетъ сдѣлать все и потому сталъ усердно молить Его, чтобы онъ вразумилъ меня. Считая себя слишкомъ грѣшнымъ для того, чтобы быть достойнымъ Божіей благодати, я наложилъ на себя постъ и въ продолженіи четырехъ дней ѣлъ только хлѣбъ и воду по захожденіи солнца. Все это время проводилъ я въ молитвѣ и чтеніи непонятной книги, всѣми силами стараясь уразумѣть ее. Наконецъ я увидѣлъ, что Богъ никогда не оставляетъ искренней сердечной молитвы; послѣ долгихъ трудовъ и усилій я сталъ мало по малу понимать читаемое. Это окончательно убѣдило меня въ православіи, я сдѣлался вѣрнымъ рабомъ моего Спасителя и отдался Ему всей душой. Съ этихъ поръ міръ занималъ меня очень мало. Всѣ свободные часы я отдавалъ молитвѣ; въ ней проводилъ я цѣлыя ночи, не пропускалъ ни

одного праздника, чтобъ не пойти въ церковь, такъ что ради этого долженъ былъ оказаться небрежнымъ по службѣ. Начальники не спрашивали меня о причинахъ моей небрежности и били меня до того безжалостно, что я по цѣлымъ мѣсяцамъ носилъ на тѣлѣ раны. Въ 1837 году на Высочайшемъ смотрѣ я назначенъ былъ командовать кантонистскимъ полкомъ. Государь Императоръ Николай Павловичъ, остался мною доволенъ, поцѣловалъ меня и прибавилъ: «я желалъ бы видѣть тебя генераломъ»! Желаніе покойнаго Государя не сбылось, потому, что Богу угодно было назначить меня для другой цѣли. Въ этотъ смотръ Государь подарилъ мнѣ 150 рублей и юнкерскіе погоны, вышитые серебромъ съ надписью «1873 г. 19-го августа. За командованіе полкомъ». Когда затѣмъ въ 1839 году нашъ полковникъ Гловъ задумалъ устроить пѣвческій хоръ, то это было поручено мнѣ, и я былъ отправленъ въ г. Елисаветградъ къ графу *Сакену* съ спеціальною цѣлью учиться хоровому пѣнію. Здѣсь я учился подъ руководствомъ штабъ-ротмистра (нынѣ полковника) *Воротникова*. Для успѣшнаго обученія, я долженъ былъ учиться на скрипкѣ, но я на это не согласился, считая это большимъ грѣхомъ. Только въ послѣдствіи, послѣ особеннаго убѣжденія со стороны графа *Д. Е. Остенъ-Сакена*, я началъ учиться на скрипкѣ, позволяя себѣ играть только божественныя пѣсни.

Въ Елисаветградѣ меня впервые замѣтилъ покойный графъ *Д. Е. Остенъ-Сакенъ*, когда я читалъ и пѣлъ на клиросѣ соборной церкви. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и, узнавъ всю мою исторію, бѣжливо полюбилъ меня и съ тѣхъ поръ никогда не выпускалъ меня изъ виду. Въ де-

сять мѣсяцевъ я прошелъ теорію музыки, выдержалъ экзаменъ и былъ отправленъ въ полкъ, гдѣ составилъ хоръ изъ кантонистовъ. Въ 1840 году я поступилъ на дѣйствительную службу и продолжалъ ее очень счастливо. Офицеры любили меня потому, что я зналъ службу и обучалъ ихъ; за эти услуги меня награждали деньгами, на которыя я успѣлъ купить домъ въ с. Новомъ Бугѣ и открылъ въ немъ вольную школу. Учениковъ набралось душъ до 40 и я самъ съ любовью передавалъ имъ тѣ скудные знанія, которыя имѣлъ самъ. Въ этомъ же году, по ходатайству графа *Сакена*, мнѣ было позволено отправиться въ г. *Кіевъ* для поклоненія св. мощамъ. Здѣсь-то я еще больше почувствовалъ то неизъяснимое стремленіе къ небу, которое еще больше оттолкнуло меня отъ міра и здѣсь у меня явилось желаніе поступить въ монахи. Это желаніе на обратномъ пути я сообщилъ графу и графъ одобрилъ его. Два часа рылся онъ въ законахъ, чтобы рѣшить, можно ли военному, не окончивъ срока службы, поступить въ монахи, но ничего не нашелъ и я отправился обратно въ полкъ. Скоро командиръ мой получилъ отъ графа запросъ, нельзя ли уволить меня изъ службы для поступленія въ монахи? Командиръ и офицеры нашли, что это невозможно; что единственно возможная причина увольненія—болѣзнь въ настоящемъ случаѣ непримѣнима, что если-бы ее примѣнить ко мнѣ, то меня могли бы переосвидѣтельствовать и начальство пошло бы подъ судъ. Такимъ образомъ я остался въ военной службѣ. Служилъ я счастливо. Впро-долженіи 12-ти лѣтъ я былъ произведенъ въ старшаго вахмистра, затѣмъ въ чинъ прапорщика и наконецъ подпоручика, потомъ былъ назначенъ эскадроннымъ командиромъ

ромъ въ кантонистскій дивизионъ Нассаускаго полка съ переименованіемъ въ корнета, гдѣ болѣе 500 душъ евреевъ успѣлъ обратить въ христіанство. Въ это же время послѣдовало повелѣніе объ уничтоженіи кантонистовъ, офицерамъ же было предоставлено выбирать любой полкъ для поступленія. Въ продолженіи двухъ лѣтъ намъ было предоставлено полное жалованье и здѣсь то я задалъ себѣ вопросъ: «куда дѣваться съ большимъ семействомъ»? (Я уже давно женился). Не найдя отвѣта, я предоставилъ рѣшить этотъ вопросъ Царицѣ Небесной, и съ этою цѣлью и отправился въ с. *Касперовку* къ чудотворной иконѣ Богоматери, передъ которой молился и просилъ не оставить меня своимъ руководствомъ. И Матерь Божія услышала мои молитвы и незримо направила мои стопы на истинный путь.

Здѣсь я впервые встрѣтился съ человѣкомъ, который имѣлъ въ послѣдствіи важное значеніе въ моей жизни. Это былъ помѣщикъ *Левъ Балтазаровичъ С.*, съ которымъ я познакомился на обѣдѣ у другаго сосѣдняго помѣщика, моего прежняго сослуживца. Разговоръ произошелъ по поводу хора пѣвчихъ, пѣвшаго въ *Касперовкѣ* и принадлежащаго помѣщику С. Онъ у всѣхъ спрашивалъ мнѣнія о своемъ хорѣ и всѣ изъ уваженія къ нему хвалили хоръ. Когда же хозяинъ отрекомендовалъ ему меня, какъ знающаго музыканта и регента, и онъ захотѣлъ узнать мое мнѣніе, я прямо сказалъ ему, что пѣніе его хора напоминалъ крикъ парубковъ на улицѣ. С. поблагодарилъ меня за откровенность, потому что самъ былъ такого же мнѣнія. Онъ жаловался на невозможность найти хорошаго регента; я посоветовалъ ему отдать мнѣ одного пѣвчаго для обученія, обѣщавъ за годъ подготовить его, но С.

сказалъ, что это слишкомъ долго и на этомъ разговоръ нашъ кончился.

Провожая икону изъ *Касперовки* въ *Херсонъ*, въ 6. *Блгозеркѣ* (гдѣ икона оставалась на одну ночь), я встрѣтилъ стараго сослуживца. Онъ оказался управляющимъ въ имѣніи помѣщика С., которому принадлежала и *Блгозерка*. Старый пріятель обрадовался встрѣчѣ, сказалъ, что уже три года ищетъ меня, и тутъ-же предложилъ мнѣ мѣсто регента у помѣщика С. Для меня это былъ вопросъ новый, и я не могъ сразу рѣшить его, тѣмъ болѣе, что на мои условія помѣщикъ не соглашался. На обратномъ пути изъ *Херсона* я получилъ отъ С. приглашеніе явится къ нему для переговоровъ. Въ письмѣ своемъ С. высказывалъ сильное желаніе имѣть меня у себя регентомъ. Я посѣтилъ его и здѣсь мы почти сошлись въ условіяхъ. Затѣмъ я посоветовался съ женою своею и окончательно сошелся съ помѣщикомъ. Получивъ изъ полка отпускъ на 2 мѣсяца, я принялся за свои новыя обязанности и въ продолженіи мѣсяца настолько успѣлъ исправить херъ, что С. былъ очень доволенъ и благодарилъ меня. Все мое будущее, можно сказать—было сдѣлано рукою покойнаго *Льва Балтазаровича С.*, поэтому я позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это былъ человѣкъ на всѣхъ производившій впечатлѣніе страннаго человѣка. Съ виду это былъ человѣкъ своеправный, не привыкшій встрѣчать ни въ чемъ отпора своей воли. И дѣйствительно это было почти такъ. С. былъ очень богатъ и это давало ему возможность дѣлать все, что угодно. По счастью капризная воля этого человѣка всегда имѣла самое лучшее направленіе, и я не помню ни одного случая,

чтобъ С. сдѣлалъ кому нибудь зло. Этому очень много способствовала высочайшая степень религіозности, которая одушевляла всѣ его дѣйствія, благодаря чему С. былъ любимъ и уважаемъ всѣми, кто зналъ его. Щедрость его была извѣстна всѣмъ, кто когда либо нуждался въ его услугахъ. Подъ конецъ же жизни С. отдѣлилъ на своей землѣ самый лучший—плодородный и живописный кусокъ земли и отдалъ его въ вѣчное владѣніе женской общинѣ, построенной на его средство и существующей и теперь.

Поставивъ хоръ у С. какъ слѣдуетъ, я объявилъ Льву Балтазаровичу о своемъ намѣреніи ѣхать обратно въ полкъ. При этомъ я прибавилъ, что для меня не выгодны прежнія условія, что на нихъ я не могу существовать съ большимъ семействомъ. На это С. сказалъ мнѣ: «Вы для меня дороги, какъ самый ближайшій родственникъ; мы ваши, а вы наши»! При этомъ въ присутствіи многочисленныхъ гостей обнялъ и поцѣловалъ меня и прибавилъ: «Поѣзжайте домой и подавайте въ отставку»! Я безусловно вѣрилъ покойному С. и потому безъ колебаній согласился на это. Въ Новой Одессѣ, гдѣ я прежде былъ учителемъ, всѣ просили меня остаться у нихъ, предлагали мнѣ вдвое большее обезпеченіе, но я уже не могъ измѣнить моему слову и, получивъ отставку, переселился съ семействомъ въ имѣніе С. Здѣсь я съ успѣхомъ занимался своимъ новымъ дѣломъ—обученіемъ крестьянъ чтенію и пѣнію. Почти каждый день приходилъ въ школу С. и слушалъ пѣніе своего хора, и часто плакалъ отъ умиленія. Онъ видѣлъ, что сбывалась его мечта. Однажды С., возвратившись изъ города, сообщилъ мнѣ, что онъ былъ у преосвященнаго, говорилъ съ нимъ обо мнѣ и что Владыка изъяснилъ же-

ланіе видѣть меня. Оказалось, что Владыка слышалъ уже обо мнѣ отъ своего эконома о. *Ксенофонта*, съ которымъ я познакомился еще во время Севастопольской компаніи въ Новой Одессѣ. Я сказалъ, что чувствую себя недостойнымъ быть у такого великаго святителя. Въ Херсонѣ тогда былъ викаріемъ Преосвященный *Поликарпъ*, котораго я чтилъ, какъ истиннаго святителя. Послѣ вторичнаго напоминанія, я наконецъ рѣшился. Преосвященный принимая меня съ отеческою любовью, спрашивалъ меня о моей жизни и терпѣливо слушалъ мой разсказъ въ продолженіи пяти часовъ. Когда же потомъ въ греческой церкви онъ слышалъ мое чтеніе и пѣніе, то поцѣловалъ меня и, благословивъ, прибавилъ: «Теперь я самъ убѣдился, что Богъ живетъ съ тобою и даровалъ тебѣ талантъ. Да будетъ благословеніе Господне всегда съ тобою!» и просилъ меня часто бывать у него. Черезъ день послѣ этого онъ пріѣхалъ въ гости къ С., слушалъ мой хоръ и въ заключеніе сказалъ шутливо, обращаясь къ С.: «Я отниму у тебя этого офицера». Послѣ этого я въ продолженіи года еженедѣльно бывалъ у Преосвященнаго, бесѣдовалъ съ нимъ, выслушивалъ его поученія и наставленія, засиживаясь часто за полночь. Въ этихъ бесѣдахъ Владыка часто убѣждалъ меня перейти въ духовное званіе. Онъ обѣщалъ оставить меня при себѣ священникомъ съ тѣмъ, чтобы я служилъ въ соборѣ и располагалъ евреевъ къ принятію христіанства. Я всякій разъ отвѣчалъ, что чувствую себя не въ силахъ нести обязанности священническаго сана и слишкомъ мало ученъ для того, чтобы обращать евреевъ. На это владыка отвѣчалъ мнѣ, что всегда будетъ самъ руководить моими работами. Помню, однажды Преосвященный

былъ въ хорошемъ настроеніи духа и объявилъ мнѣ свое рѣшительно: желаніе—перевести меня въ духовное званіе. «Ваше Преосвященство!» Отвѣчалъ я ему на это, — «еслибъ я исповѣдалъ предъ вами всѣ мои грѣхи, то Вы выгнали бы меня, какъ собаку!» Владыка страшно разсердился. — «Что вы, милостивый государь, все бредите своими грѣхами?» сердито возразилъ онъ, — «мы всѣ грѣшны, а служимъ по милости Божіей предъ престоломъ Божіимъ; такъ развѣ мы прокляты, что-ли? я тебя благословляю на это святое дѣло!» Я упалъ въ ноги Преосвященному и просилъ у него прощенія; затѣмъ объявилъ, что побѣду домой, чтобы посовѣтоваться съ женой, и уѣхалъ, почти уже рѣшивъ въ душѣ—исполнить желаніе преосвященнаго. Мнѣ стоило большихъ трудовъ уговорить жену, наконецъ она согласилась. Когда я объявилъ Владыкѣ объ этомъ, онъ былъ чрезвычайно радъ и на другой же день отправился въ Одессу хлопотать обо мнѣ у преосвященнаго *Димитрія*. Онъ разсказалъ преосвященному *Димитрію* все, что зналъ обо мнѣ, и тотъ согласился. Въ это самое время Богу угодно было замедлить исполненіе моихъ желаній. Преосвященный *Поликарпъ* былъ назначенъ епархіальнымъ архіереемъ въ Орелъ (гдѣ онъ послѣ и скончался). Прощаясь со мной, Преосвященный благословилъ меня, обнялъ и, прижавъ къ груди, самъ заплакалъ. Когда онъ уѣхалъ, я почувствовалъ себя сиротой, съ нимъ потерялъ я отца. — Къ этой моей скорби прибавилась новая, — С. уѣхалъ по дѣламъ въ Москву; завѣдывавшіе же въ деревнѣ его дѣлами стали различными способами притѣснять меня; я находился въ самомъ печальномъ положеніи. Въ такихъ случаяхъ жизни, когда меня угнетала тоска, я всегда прибѣгалъ за утѣшеніемъ къ одному священ-

ному источнику—Царицѣ Небесной, которая всегда посылала мнѣ утѣшеніе. Въ этотъ разъ мнѣ пришла мысль ѣхать въ Корсунскій монастырь (таврической губерніи), гдѣ въ то время былъ храмовой праздникъ и поклониться Корсунской иконой Божіей Матери. Здѣсь я отслужилъ молебеніе и познакомился съ монахами, къ которымъ я питалъ всегда особенныя симпатіи. Тогдашній архимандритъ Митрофанъ (нынѣ умершій) полюбилъ меня и разрѣшилъ мнѣ читать и пѣть на клиросѣ, что для меня составляло особенное удовольствіе. Трудно представить мою радость, когда я узналъ, что къ храмовому дню ожидается преосвященный Димитрій. Второй разъ въ жизни мнѣ приходилось увидѣть архіерейское служеніе. На всенощномъ бдѣніи я испросилъ у архимандрита разрѣшенія читать шестоксалміе. Помню еще, тогда уставщикъ сказалъ мнѣ, что это будетъ нарушеніе монастырскихъ правилъ, такъ какъ въ монастырѣ свѣтскому читать не полагается. Когда же пришло время, онъ самъ предложилъ мнѣ читать. Припоминаю, что я тогда читалъ 15 каѳизму. Во время чтенія Преосвященный послать изъ алтаря келейника узнать, кто читаетъ, и узнавъ, что читаетъ какой-то офицеръ, пригласилъ меня зайти къ нему на другой день послѣ обѣдни. Я явился, получилъ благословеніе и назвалъ себя. Преосвященный сказалъ, что онъ обо мнѣ слышалъ отъ преосвященнаго Поликарпа и теперь самъ обратилъ вниманіе на мое чтеніе. Затѣмъ онъ спросилъ меня, какимъ образомъ я, свѣтскій военный человѣкъ, научился такъ хорошо читать въ церкви и вообще имѣю такое направленіе. Я сказалъ, что если у него достанетъ терпѣнія выслушать меня, то я расскажу ему всѣ превратности моей

судьбы. Преосвященный сказалъ: «говорите!» и я рассказалъ ему всю свою жизнь. Когда я кончилъ, я замѣтилъ на глазахъ у него слезы. Преосвященный благословилъ меня и предложилъ мнѣ подать прошеніе. «Въ одну недѣлю я произведу васъ во діакона, а потомъ во священника», сказалъ онъ мнѣ, на что я ему отвѣчалъ: «Нѣтъ, Ваше Преосвященство, я бы желалъ нѣсколько мѣсяцевъ быть діаконъ, чтобы приготовиться къ священническому сану и *какъ должно* приготовиться къ нему». Принявъ мое прошеніе, Преосвященный передалъ его на мѣстные Консисторіи. Но моему прошенію пришлось очень долго пролежать въ Консисторіи. Въ это время получилось извѣстіе, что Касперовскую икону Божіей Матери разрѣшено взять въ Одессу. Тогда-же С. извѣстилъ, что выѣзжаетъ изъ Москвы, и супруга его, призвавъ меня, поручила собрать хоръ пѣвчихъ, съ ними отправиться въ с. Касперовку и помолиться Божіей Матери о благополучномъ путешествіи С. Остановившись въ Касперовкѣ у священника, я встрѣтился здѣсь съ протоіереемъ о. *Іоанномъ Знаменскимъ*, прѣхавшимъ сухимъ путемъ изъ Одессы за иконой. Когда я взялъ у него благословеніе, онъ спросилъ мою фамилію. «А! сказалъ онъ,—такъ это ваше прошеніе у насъ въ Консисторіи о принятіи въ духовное званіе?» Я отвѣчалъ утвердительно. «У насъ нѣтъ священническихъ мѣстъ»!—сухо замѣтилъ онъ. Я отвѣчалъ, что просилъ не священническаго, а діаконскаго мѣста. «Нѣтъ и діаконскихъ мѣстъ»,—также сухо отвѣчалъ о. протоіерей, и мнѣ оставалось только замолчать. Когда началась всенощная, я съ своимъ хоромъ занялъ мѣсто на клиросѣ и одинъ читалъ все по положенію. Послѣ всенощной отецъ

протоіерей подошелъ къ помѣщику и поблагодарилъ ее за устройство хора. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «а вамъ, господинъ офицеръ, я откровенно скажу теперь, что въ Консисторіи всѣ противъ васъ, потому что не знаютъ васъ; одинъ только преосвященный крѣпко за васъ стоитъ. Я первый разъ васъ вижу, но сразу перемѣнилъ о васъ мнѣніе и скажу словами Преосвященнаго, что вы дѣйствительно можете быть полезны нашей епархіи. Благодарю васъ за хорошее чтеніе и пѣніе. По пріѣздѣ въ Одессу, сейчасъ же подвину впередъ ваше дѣло. Присылайте всѣ ваши документы!» Документы пришлось выписывать изъ полка. Когда они были получены, С., который не хотѣлъ разставаться со мною, предложилъ мнѣ, прежде чѣмъ отослать ихъ, отправиться на Аѳонъ и поклониться св. мѣстамъ. Я несказанно былъ радъ этому предложенію, обнялъ его и поблагодарилъ. Этой поѣздкѣ я придавалъ громадное значеніе, я зналъ, что на Аѳонѣ есть опытные святые старцы, которые своими совѣтами могли укрѣпить меня въ моемъ рѣшеніи. Но поѣздкѣ не суждено было состояться. Послѣ трехмѣсячнаго ожиданія, я собралъ документы, чтобы поѣхать въ Одессу. Узнавъ о моемъ рѣшеніи, помѣщикъ С. выразилъ свое неудовольствіе и, призвавъ меня, доказывалъ, что я не имѣю права оставлять его, такъ какъ заключилъ съ нимъ контрактъ на пять лѣтъ. Выйдя изъ себя, въ пылу гнѣва и негодованія, даже называлъ меня *безсовѣстнымъ*. Я былъ оскорбленъ имъ и попросилъ разсчитать меня. На другой день, въ день его именинъ, отпѣлъ съ хоромъ обѣдню и, когда, приглашенный къ нему на обѣдъ, выразилъ желаніе попроситься съ нимъ, онъ ушелъ въ свою комнату и

прислалъ сказать, что боленъ и не можетъ ко мнѣ выйти. Такимъ образомъ я расстался съ нимъ недружелюбно. Приѣхавъ въ Одессу на сырной недѣлѣ и явившись къ Преосвященному Димитрію, къ этому добрѣйшему и незабвенному архипастырю, я передалъ мои документы въ Консисторію и получилъ назначеніе въ Таврической губерніи далеко отъ мѣста моего тогдашняго жительства. Я уже говѣлъ, когда (на 3-й недѣлѣ великаго поста), посвящали двухъ студентовъ семинаріи—одного во діакона, другого во священника. Въ первый разъ въ жизни я видѣлъ этотъ священныи обрядъ этого великаго таинства, и онъ произвелъ на меня глубокопотрясающее дѣйствіе. Когда ввели діакона въ царскія врата, меня обиялъ невыразимый ужасъ, я мгновенно припомнилъ всѣ грѣхи свои. И думалъ я тогда: «Куда я стремлюсь, окаянный? Какъ я осмѣлюсь войти въ царскія врата, имѣя такое страшное бремя грѣховъ? Какъ бы не поразилъ твою главу ангелъ правды за эту дерзость!» Много я плакалъ и скорбѣлъ и молился Царицѣ Небесной, чтобы она исходатайствовала мнѣ прощеніе у Превѣчнаго Сына своего и Бога нашего, Спасителя. Наконецъ я возимѣлъ желаніе исповѣдаться у іеромонаха Θεонемита, о которомъ говорили, что онъ хорошей жизни. Онъ меня однако не принялъ, сказавъ: «некогда мнѣ съ вами возиться!» Я почувствовалъ себя отверженнымъ. Была извѣстна тогда въ Одессѣ своимъ благочестіемъ, чтпмая народомъ *Евдокія болящая*, нѣсколько лѣтъ уже лежавшая въ городской богадѣльнѣ при кладбищѣ безъ движенія; я отпратился къ ней. Она, увидѣвъ меня въ первый разъ, назвала меня по имени и отчеству и спросила: «Зачѣмъ вы пожаловали?» Я попросилъ всѣхъ выйти и

наединѣ открылъ ей свои сомнѣнія. Она мнѣ сказала: «Всякій истинный христіанинъ, поступающій въ духовное званіе, долженъ быть проникнутъ благоговѣніемъ; Ваше же отчаяніе исходитъ отъ врага, который никогда не хочетъ добраго дѣла». Она дала мнѣ списокъ святыхъ, которыми посовѣтовала молебствовать у набожнаго священника, что я и сдѣлалъ. Однако прежнія сомнѣнія не покидали меня. Я рѣшился поѣхать домой, чтобы еще разъ посовѣтоваться съ женой и тогда уже рѣшить окончательно. Съ этою цѣлью я отправился къ преосвященному и, не объявивъ настоящей причины моего отъѣзда, сказалъ ему, что хочу поискать лучшаго мѣста, такъ какъ—назначенное мнѣ неудобно. Преосвященный отпустилъ меня. Когда по приѣздѣ моемъ домой, помѣщикъ узналъ, что я еще не рукоположенъ, онъ очень удивился, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовался, такъ какъ рассчитывалъ, что я у него останусь по прежнему. Онъ предложилъ мнѣ оставаться у него на прежнихъ условіяхъ въ качествѣ сверхштатнаго діакона, но я отвѣчалъ, что желаніе жены моей и мое—снова вернуться въ военную службу. Много потомъ помѣщикъ убѣждалъ меня остаться у него сверхштатнымъ діакономъ, но я непоколебимо стоялъ на своемъ. Однажды онъ призвалъ меня къ себѣ и спросилъ: «Ну, что? на чемъ вы порѣшили?» Я отвѣчалъ, что мое рѣшеніе неизмѣнно.—«А я вотъ что придумалъ», продолжалъ онъ: «будемъ съ вами говѣть къ великому четвергу и послѣ говѣнья бросимъ жребій; что Богъ укажетъ, то и будетъ». Мнѣ показалось, что самъ Богъ говорилъ его устами; я обнялъ и поблагодарилъ его за святое предложеніе. Мнѣ ду-
малось, что вотъ именно теперь Господь укажетъ истин-

ный путь, и я мысленно рѣшился при вынугіи жребія держать правую сторону. Я мысленными очами взиралъ на святыхъ мучениковъ Симеона, Христа ради юродиваго, и Іоанна постника, которые, будучи богатыми помѣщиками, ѣздили на поклоненіе въ Іерусалимъ и передъ обратнымъ путемъ видали жребій, идти имъ въ міръ, или монастырь... По окончаніи говѣнья, помѣщикъ пригласилъ меня къ себѣ, самъ заперся въ кабинетъ и черезъ четверть часа позвалъ туда и меня. Помню, какъ теперь, передъ иконами стоялъ золотой стаканъ, въ срединѣ котораго былъ водруженъ крестъ, а по бокамъ креста лежали двѣ записки. Въ одной изъ нихъ значился утвердительный, въ другой отрицательный отвѣтъ. «Поклонимся, прочитаемъ «отче нашъ», и тогда возьмемъ жребій», сказалъ помѣщикъ и, мы съ благоговѣніемъ исполнили это. Тогда для меня настала рѣшительная минута. Я твердо зналъ, что отъ одного движенія зависитъ моя судьба, что это судъ Божій, послѣ котораго уже не будетъ поворота къ другому рѣшенію. Съ трепетнымъ благоговѣніемъ дрожащей рукой взялъ я записку съ правой стороны и, развернувши ее, прочиталъ роковыя слова, безповоротно рѣшившія мою участь: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Господи! благословишь-ли Ты раба Твоего Николая перейти въ духовное званіе»? А внизу значилось: «Да»!

Дальше уже нечего рассказывать. Воля Божія была мнѣ объявлена, я не смѣлъ ея ослушаться. Борьба съ слабостью духа была кончена. Скоро я былъ рукоположенъ во діакона, а черезъ одиннадцать мѣсяцевъ и въ священнической сапѣ, въ которомъ и понынѣ съ Божіею помощію пребываю. Вотъ и вся правда моей жизни. Промыселъ

Божій довелъ меня до цѣли, имъ предназначенной. Можно ли было по первымъ шагамъ моей жизни угадать конецъ? Какая связь между еврейскимъ мальчикомъ изъ семьи, фанатически преданной закону Моисея—и православнымъ христіанскимъ священникомъ? какая сила, Кромѣ Святаго Божьяго Промысла, могла вести меня такими несповѣдимыми путями и привести къ такой цѣли?

Пусть каждый объясняетъ, какъ хочетъ; я же глубоко вѣрю, что былъ веденъ святымъ Божиимъ Промысломъ по Его несповѣдимымъ путямъ, и часто, служа предъ Престоломъ Божиимъ, радуюсь и проливаю слезы благодаренія Господу за то, что Онъ привелъ меня къ истинѣ и не далъ погибнуть въ слѣпомъ невѣріи и заблужденіи израильскомъ.

Священникъ Николай Потапенко.

